

Андрей Львович Ливадный

Отверженный

Аннотация

Сородичи считали его неполноценным, Кайл привык сносить их пренебрежительное отношение, даже не представляя, кто он на самом деле...

Глава 1

Все когда-то происходит впервые.

Кайл проснулся в полной темноте от ощущения далекой, прорывающейся извне вибрации. Легкая дрожь, передаваемая стенами и полом, породила неприятное ощущение, к этому добавилась темнота, вязкая, крошечная, без единого проблеска

света.

Некоторое время он лежал, прислушиваясь к обострившимся чувствам, затем, преодолевая естественный страх, медленно сел, коснувшись ногами холодного пола, и, как ни странно, ощущение твердого материала изгнало часть воображаемых ужасов.

Вместе с движением, несмотря на отсутствие света, вернулась способность ориентироваться. Свою комнату он знал достаточно хорошо, хотя и поселился в ней недавно.

Первым порывистым движением он нашел длинный шест с мягкой изолированной ручкой и несколькими электродами в противоположной оконечности.

Если причиной тьмы является тоннельный слизень, пробравшийся в помещение через системы вентиляции,

лучше держать разрядник под рукой.

Оружие придало еще толику уверенности, и Кайл решился встать со смятой постели, одной рукой осязая стену. Ложась спать, он не выключал свет, хотя Герман настаивал на том, что электричество нужно экономить. Кайл не понимал некоторых слов и потому относился к предупреждению, как к очередной демонстрации власти, на которую (в силу своего упрямого характера) он отвечал стабильным непослушанием.

«Вот и повыпендривался, — пришло запоздалое раскаяние. — Что, если это „электричество“ закончилось? Герман никогда не говорил, откуда оно берется и сколько его осталось. Однако не зря же он предупреждал всех и каждого, повторяя одно и то же: ложась спать, выключайте свет. Вышли из отсека, дотянитесь до выключателя».

«Ну, что теперь-то?» — Пальцы, наконец, нашли упругую пластину переключателя, но тот не работал.

«Что, и дверь тоже?» — Мысль проскользнула холодком. Кайл не трусил, но тоннельные слизни вызывали у него чувство омерзения, поэтому он всегда запирает дверь в свою комнату на замок, который питала все та же злополучная энергия.

Так и есть — закрыта.

Неловко повернувшись в темноте, он задел электродами оружия за участок стены, с которого давно исчезла пластиковая облицовка (материал отделки, легкий и прочный, использовали для иных нужд, изготавливая из него разные предметы). Тут же в разные стороны ударили искры, и — чудо — дверь вдруг рывком приоткрылась, издав характерный щелчок.

Она отодвинулась совсем немного, но в узкую щель из коридора пробился красноватый свет.

Мрак рассеялся, превратившись в багряные сумерки, а вместе с этим окончательно истончился страх, уступив место настороженности.

Отложив самодельное оружие (подобные палки с разрядниками изготавливал Лик, один из братьев Кайла), он двумя руками уперся в торец двери и что есть силы надавил на нее, с облегчением почувствовав, как поддалась преграда.

От усилия мышцы едва не свело судорогой, но дверь с невнятным скрежетом отодвинулась, открыв достаточный проем, чтобы в него можно было протиснуться боком.

Схватив самодельное оружие, Кайл выбрался в коридор.

Освещенный красноватым светом

тоннель вел к зоне разрушений. Первую сотню шагов по нему еще можно было идти относительно спокойно, но затем проход резко сужался: просевший потолок создавал теснину, за которой начиналась череда разрушенных залов.

Туда Кайл не собирался.

Во-первых, Герман запрещал ему выходить в разрушенную зону. Во-вторых, тоннельные слизни жили там целыми выводками, и от одной мысли о них вдоль спины пробегал холодок омерзения. Ну, а в-третьих, где-то за разрушенными залами, по словам Германа, обитала «невидимая смерть». Кайл в свое время относился к данному предупреждению как к выдумке. Действительно, если вдуматься, как смерть может оказаться невидимой, если у любой опасности всегда есть своя, конкретная форма? Если в

разрушенных залах тебя покалечит сорвавшимся от свода угловатым камнем или в сумерках нападет лиар — хищник, обитающий в сырых норах, разве смерть не будет при этом понятна и осязаема?

Однако, как выяснилось, Герман не лгал.

Однажды отряд охотников ушел в глубины разрушенной зоны и не вернулся. За ними отправили еще одну группу взрослых мужчин, теперь уже с целью поиска пропавших. Из них вернулся только один, не израненный, но весь покрытый волдырями и язвами, будто с него живьем сдирали кожу, одновременно ошпаривая несчастного кипящей водой. Он отмучился сутки, а затем умер, но прежде, ненадолго придя в сознание, успел рассказать: охотники зашли слишком далеко, и их настигла невидимая смерть.....

Кайл тогда был еще подростком, и ему вполне хватило жуткого, наглядного примера, чтобы раз и навсегда поверить в существование таинственной враждебной силы.

Впрочем, «невидимая смерть» ему не грозила.

Он был уродом, калекой от рождения, и понимал это даже без постоянных насмешек со стороны старших братьев.

«Обидно. Обидно и тяжело быть не таким, как все».

Мысли юноши нарушил звук: кто-то резко отодвинул дверь, и в сумеречном коридоре показалась фигура, от которой даже в скудном красноватом освещении веяло недюжинной физической силой.

Присмотревшись, Кайл узнал Парма — одного из своих старших братьев. Он был не только на голову выше,

шире в плечах, физически сильнее, но и имел четыре мускулистые руки, покрытые шрамами от многочисленных стычек со свирепыми обитателями разрушенных залов.

— Привет, недоделанный, — раздался в багряных сумерках его голос, похожий на рык.

Действительно, худощавый подросток с двумя руками вместо четырех, хоть и не являлся слабаком, но выглядел весьма скромно на фоне мускулистой фигуры гиганта.

— Привет, Парм, — Кайл давно уже не обижался на различные прозвища. Привык. Да и с удручающей действительностью не поспоришь. — Не знаешь, что случилось?

— Нет. — Четырехрукий гигант посмотрел на оружие Кайла и усмехнулся. — Все со слизнями воюешь? — Он сжал пальцы одной из

правых рук в кулак и показал его младшему брату. — Я их по стенке размазываю одним ударом.

Кайл промолчал.

— Ладно, пошли к Герману. Он-то точно знает, что там произошло.

Дверь в отсек, где жил Герман, всегда открыта. Откуда он взял такую привычку, Кайл понятия не имел, — отец недолюбливал своего неудачного отпрыска и редко разговаривал с ним.

На этот раз в просторном помещении было тесно. Как выяснилось: свет погас около часа назад, и только Парм с Кайлом проспали момент чрезвычайного события.

Герман не удостоил вниманием вновь прибывших, продолжая говорить глухим, чуть надтреснутым (сказывались годы) голосом:

— ...сразу за третьим залом

расходимся по тоннелям. Кабели проложены вдоль стен. Я уверен, какой-то из грызунов просто проел изоляцию. Почувствуете запах паленой плоти — сами не суйтесь, запомните место и возвращайтесь назад, ко мне или к Лику. Все понятно?

— На все коридоры не хватит охотников, — прорычал в ответ Деке. Считать он не умел, но, наверное, был прав. От третьего разрушенного зала отходило множество коридоров, на исследование которых может уйти не один день.

— Возьмешь с собой всех. Здесь остаются только женщины. Я и Лик будем дежурить в третьем зале. Мы знаем, как восстановить поврежденный кабель. Главное — найдите его.

Сердце Кайла трепетно вздрогнуло.

Наконец у него появился шанс. Он первым обнаружит место повреждения,

и тогда отец, наверное, похвалит его, а может быть, даже разрешит ходить на охоту вместе с братьями.

От разыгравшихся предчувствий защемило в груди.

— Кайл.

Он вздрогнул, когда Герман назвал его имя.

— Ты остаешься с женщинами. Будешь отпугивать слизней своей палкой.

...

Такой обиды он просто не мог стерпеть.

«Ну разве он виноват в том, что родился с двумя руками вместо четырех?! Это несправедливо». — Кайл мог поспорить, что справился бы не хуже любого из братьев. Ну, подумаешь, у них есть вторые имена, сила, выносливость, зато он — ловкий, быстрый и внимательный. Лик научил

его считать, однако отец презирал своего уродливого сына. Даже не дал ему шанса на получение настоящего мужского имени.

«Не буду я сидеть и дожидаться, пока сюда приползут слизни... — с отчаянной решимостью подумал он. — Да, но как поступить?» В отличие от настоящих мужчин он плохо видел в темноте, значит, проскочить мимо Германа и Лика не удастся. Да и встреча с любым из братьев грозила немедленной взбучкой.

«Все равно не стану здесь сидеть».

Кайл, несмотря на строгий запрет отца, все же иногда нарушал его, выходя в первый, а несколько раз даже во второй из разрушенных залов. В громадных, темных помещениях с просевшими сводами так же имелись ответвления тоннелей, но проходы были либо завалены рухнувшими

обломками перекрытий, либо слишком узки, чтобы по ним мог пройти кто-то из взрослых. Почему отец не подумал, что обрыв «кабеля» не произошел в одном из них?

«Я проверю».

Кайл вполне представлял, что такое «кабель». Отец говорил о длинном образовании, покрытом черной глянцевиной пленкой. Десятки подобных кабелей тянулись по стенам жилого коридора. Разные по толщине, они имели одинаковый вид и схожее предназначение. Из сегодняшнего инцидента Кайл с уверенностью сделал вывод, что внутри под твердой глянцевиной пленкой находится тот самый «ток», от которого зажигался свет, работали механизмы, нагревались специальные панели, изгоняющие из помещений холод и влагу...

«Нужно хотя бы попробовать, —

мысленно разговаривал с собой Кайл. — А вдруг мне повезет?»

Надежда и обида смешивались в душе, порождая желание действовать. Сидеть и сторожить проход от вторжения тоннельных слизней, как приказал отец, не было сил. Сегодня он с особой остротой почувствовал, что может навечно остаться без настоящего имени или хуже того: получить в его качестве очередное прозвище.

Например, Парм Могучий — как красиво, гордо это звучало, и как унизительно будет услышать — Кайл-слизняк...

От подобных мыслей его начала трясти мелкая дрожь.

«Нет, я во что бы то ни стало заработаю себе настоящее мужское имя. И тогда никто больше не посмеет насмехаться над моими недостатками».

...

Покинув назначенный ему пост, Кайл шагнул в темноту первого из трех разрушенных залов. Что находилось дальше, за тоннелями, куда сейчас ушли братья, он представлял смутно. Охотники постоянно говорили о каких-то «пещерах», где они, собственно, и добывали пищу, но Кайл ни разу не бывал так далеко от дома.

Ориентироваться в темноте приходилось почти на ощупь. Он не обладал способностью видеть предметы среди кромешного мрака пещер. Природа при рождении обделила его всем, чем смогла. «Но ничего. Пусть я не такой могучий, как братья, пусть не вижу во мраке, но зато я ловкий», — успокаивал себя Кайл, в то время как внутри все сжималось от дурного предчувствия — вот сейчас на голову свалится омерзительный слизень...

Он остановился.

Надо как-то сориентироваться. Поведев своим оружием, он царапнул электродами по стене, пока контакт не зацепил за торчавшую из желтоватого, потрескавшегося материала металлическую арматуру.

Короткий треск разряда сопровождался снопом искр. Голубоватый отсвет на секунду озарил стену.

Кайл не стал зажмуриваться и сумел рассмотреть в нескольких шагах от себя наполовину заваленный проход.

Его совершенно не смущало, что обнаруженный тоннель вел в прямо противоположном направлении, чем те, в которых отец велел искать обрыв кабеля.